

Янь Юнь стоял на лестнице неподвижно. Неизвестно, как долго он там находился и сколько успел услышать, но выражение его лица в полумраке казалось пугающе непроницаемым.

В конце концов он не проронил ни слова. Дуань Синбэй, охваченный ужасом, пулей влетел на кухню, чем неслабо перепугал Цинь Фэна — тот решил, что парня снова кто-то обидел.

В гостиной воцарилась тяжёлая, давящая тишина. Профессор Линь молча пил свой чай, кожей ощущая на себе чужой взгляд — настолько обжигающий, что усидеть на месте стоило огромных трудов.

С раздражением он осознал, что между ним и Янь Юнем всё ещё сохранялось то самое неуместное единодушие: сейчас он слишком отчётливо понимал, о чём думает бывший муж.

К счастью, вскоре сверху спустились остальные пары, и этот невыносимый тупик был наконец разбит.

После взаимных вежливых приглашений все уселись за стол. Цинь Фэн готовил действительно неплохо; Чжэн Чухань и Жуань Сянь тоже не привередничали. По крайней мере, внешне ужин прошёл в атмосфере полной гармонии. И только Линь Фэнмину кусок в горло не лез — еда казалась безвкусной, а сам он чувствовал себя так, словно сидел на раскалённых углях.

Помогши убрать посуду, он сразу направился в спальню, намереваясь поскорее принять душ и лишить Янь Юня малейшей возможности для разговора. Однако он забыл об одной существенной детали: ванная комната находилась прямо внутри спальни. Сбежать было некуда.

Когда Фэнмин осознал это, вода из лейки уже вовсю хлестала. Тихо выругавшись, он вымылся с лихорадочной быстротой — это был самый стремительный душ в его жизни.

Он планировал за считанные секунды вытереть волосы и зарыться под одеяло, притворившись спящим. Но стоило ему выключить воду и запахнуться в полотенце, как дверь в комнату негромко скрипнула.

Линь Фэнмин замер. Одной рукой он упёрся в стеклянную дверь душевой кабины, другой крепче перехватил полотенце на бёдрах, внезапно оказавшись в двусмысленном положении.

«Почему я так не люблю включать свет в ванной?»

Впервые в жизни он всерьёз задался этим вопросом.

В комнате царил тьма. Вошедший закрыл дверь за собой и тоже не стал зажигать лампу. Звук сработавшего кодового замка в сочетании с приближающимися шагами заставил кожу мужчины покрыться мурашками. Собрав волю в кулак, он вышел из ванной, стараясь казаться невозмутимым. Профессор быстрым шагом подошёл к зеркалу, намереваясь схватить фен, но в следующую секунду чьи-то сильные руки рванули его на себя и прижали спиной к зеркальной поверхности.

Холодная гладь зеркала коснулась лопаток, заставив Линь Фэнмина прерывисто вздохнуть. Его ресницы почти касались собственного отражения, а в глазах, которые днём казались ледяными, теперь плескалось неопишное смутение.

Сзади вплотную прижалось знакомое, обжигающе горячее тело. Линь Фэнмин инстинктивно попытался податься вперёд, чтобы увеличить дистанцию, но лишь плотнее прилип к холодному стеклу.

В крошечной тьме рука, оказавшаяся под полотенцем, медленно скользнула по линии его талии вниз. Профессор содрогнулся всем телом.

— Янь Юнь... — выдохнул он, и в его голосе слышалась едва сдерживаемая дрожь.

Голос Янь Юня прозвучал пугающе спокойно, но в этой тишине таилась трудноописуемая угроза.

— И где именно тебе надоело со мной спать?

Линь Фэнмин вздрогнул. Он до боли закусил губу, упираясь руками в зеркало, и промолчал.

Перед глазами была лишь гладкая тёмная поверхность. Плечо мужчины плотно вжималось в холодное стекло, а капли воды с кончиков волос стекали по ключицам, падали на зеркало и извилистыми дорожками устремлялись вниз, исчезая в темноте.

Из-за особенностей телосложения и работы, требовавшей долгих часов за письменным столом, те немногие мягкие участки тела, которые у него были, находились в местах, о которых было неловко упоминать вслух. И именно там сейчас смыкались чужие пальцы.

Линь Фэнмина лихорадило. То ли от пара, ещё не выветрившегося после душа, то ли по какой-то иной причине.

Перед лицом этого допроса его разум на мгновение опустел. Но первым всплыл не ответ, а воспоминание. В этих воспоминаниях они словно поменялись ролями.

Профессор рос в глубоко несчастливой, искажённой семье. В браке своих родителей он не видел и тени любви — лишь уродливое, колоссальное давление, которое всей тяжестью легло

на плечи ребёнка. Неудивительно, что с годами он становился всё более замкнутым.

Многие из-за этого ошибочно полагали, что он человек со слабыми желаниями. Но это было совсем не так. За его равнодушием к мелким подачкам судьбы скрывалась жажда настолько огромная, что она могла поглотить всё на своём пути.

Чтобы вырваться из тесного, удушливого мира трущоб, Линь мог заниматься до трёх часов ночи, зная, что в шесть сорок утра ему уже нужно быть на школьном стадионе. Чтобы поступить в университет в другой провинции, он готов был сносить бесконечные побои отца, но так и не выдал пароль от личного кабинета абитуриента и не назвал адрес экзаменационного центра. Его не пугало, что и без того слабое здоровье окончательно пошатнётся.

Ему было плевать. Не потому, что он не ценил себя, а потому, что его цель была слишком велика. И ради неё любые потери казались оправданными.

В их браке всё было точно так же. Все подсознательно считали, что это Янь Юнь — человек с ненасытными потребностями. На самом деле всё было наоборот. Требовательным всегда был Линь Фэнмин.

Он не заботился о своём самочувствии. Когда завершался очередной проект или заканчивался семестр, муж всегда заставлял его ложиться пораньше, пытаясь компенсировать недели недосыпа. Линь действительно нуждался в отдыхе, но он никогда не любил спать один.

Множество ночей проходило по одному сценарию: он выходил из душа и, прислонившись к зеркалу, ждал, пока партнёр высушит ему волосы. После этого ему не нужно было произносить ни слова. Достаточно было просто вскинуть голову и пристально посмотреть тому в глаза — и Киноимператор мгновенно забывал обо всех своих принципах. Янь Юнь тихо ругался, подхватывал его на руки и нёс в постель.

Актёр же был полной противоположностью. Выросший в атмосфере гармонии и тепла, он жаждал «здоровой» любви. Он мечтал о романтическом браке, которым бы не управляла одна лишь плотская страсть. Секс для него был лишь приправой к глубоким чувствам. Но его идеалам не суждено было воплотиться в жизнь.

Перед лицом той всепоглощающей одержимости, с которой Линь Фэнмин желал его, Янь Юнь оказывался совершенно беззащитен. Он боялся потерять контроль, боялся причинить боль. Поэтому в течение семи лет их брака он в восьмидесяти процентах случаев сдерживал себя.

Он не хотел, чтобы их связь сводилась только к физической близости. И больше всего он боялся напугать Линь Фэнмина. Но после развода всё перевернулось.

Тот, кем раньше мог наслаждаться только он один, в глазах окружающих окончательно превратился в «неприступный ледяной цветок». А сам Янь Юнь — некогда сдержанный и правильный — от невыносимой жажды начал медленно сходить с ума. Целый месяц разлуки

заставил его осознать, насколько нелепыми были его прежние убеждения. Любовь и страсть — это лишь две стороны одной медали.

За этот месяц ему не раз снился один и тот же сон. В этом сне его любимый сидел у него на коленях в одной лишь рубашке. Янь Юнь не мог перестать целовать его, шепча те слова, которые не решался произносить днём.

— ...Ниннин, я так по тебе скучал.

А тот лишь прикладывал палец к его губам и с едва заметной дрожью просил:

— Отпусти меня, Янь Юнь.

Во сне, услышав это, он терял всякое подобие благородства. Вся его сдержанность летела к чертям.

— Ни за что, — он нежно гладил лицо любимого, но слова, которые он произносил, звучали жутко. — ...Я больше не выпущу твою руку. Тебе стоит быть послушнее.

В своих снах он никогда не мог совладать с тёмными желаниями. Игнорируя протесты, он запирал Линь Фэнмина, собственными руками превращая их отношения в пепел. Просыпаясь среди ночи в холодном поту, Киноимператор ещё долго не мог забыть тот холодный взгляд бывшего мужа из своего сна.

Он слишком хорошо знал Линь Фэнмина. Тот был абсолютно независимым человеком со своим кодексом правил. Он был верен своим желаниям, но ещё больше — своим принципам.

Они больше не были супругами. По крайней мере, сейчас, этой ночью, они не могли ими быть.

Наконец Линь Фэнмин заговорил. В его голосе слышалась едва уловимая дрожь:

— ...Тебе пора в душ.

Опустив взгляд, он попытался убрать чужую руку со своего бедра. В темноте он больше не проронил ни слова, лишь тяжело дышал, ожидая, когда его наконец отпустят.

Фэнмин почувствовал, как пальцы Янь Юня на мгновение сжались ещё сильнее. Сердце профессора пропустило удар, но он продолжал решительно надавливать на тыльную сторону чужой ладони, не желая отступать. В этот миг оба они наконец-то поняли, что чувствовал другой в их прошлой жизни.

На секунду Янь Юнь перестал различать, где заканчивается сон и начинается реальность. В конце концов он не выдержал и хрипло выругался. Грязное ругательство, сорвавшееся с его губ прямо над ухом Линь Фэнмина, заставило того внутренне сжаться, а тело его на мгновение предательски обмякло.

Это было так похоже на те моменты из прошлого, когда Янь Юнь, доведённый до предела, терял терпение. Обычно в следующую секунду он рывком разворачивал партнёра к себе. Но на этот раз он поступил иначе.

Янь Юнь резко разжал руки. Он сорвал с Линь Фэнмина полотенце, швырнул его в сторону и зашёл в ванную.

От внезапного холода профессор на мгновение оцепенел. Придя в себя, он невольно бросил взгляд на стеклянную дверь. Свет по-прежнему не горел, лишь бледные блики луны проникали в комнату.

В этом сумраке он увидел, как знакомый силуэт вешает полотенце на дверную ручку и стягивает через голову футболку. За матовым стеклом угадывались очертания крепкого торса. Линь Фэнмин резко отвернулся, не смея больше смотреть.

Шум воды и клубы пара постепенно заполнили пространство. Вскоре за стеклом ванной стало невозможно что-либо разглядеть.

Когда Янь Юнь наконец вышел, Линь Фэнмин уже лежал под одеялом. Он не шевелился и казался спящим — по крайней мере, со стороны.

На бёдрах Янь Юня было лишь полотенце. Если бы Линь Фэнмин сейчас открыл глаза, он бы мгновенно узнал в нём то самое, которое только что было на нём самом.

«Твоя мания чистоты, кажется, такая же избирательная, как и твои мозги»

Наверняка он не удержался бы от такой шпильки, если бы бодрствовал. Но сейчас он молчал. А может, просто не мог ничего сказать.

Янь Юнь подошёл к кровати и заметил на подушке мокрое пятно. Как и следовало ожидать: без его присмотра Линь Фэнмин никогда не утруждал себя сушкой волос перед сном. По-хорошему, актеру следовало бы сейчас достать фен и как следует пошуметь, чтобы проучить этого «спящего» за его вредную привычку.

Но он не решился. Он боялся встретиться в этой темноте с его бодрствующим взглядом. Оба они не знали, чем может закончиться эта ночь, если они продолжат в том же духе.

В слабом свете Янь Юнь отчётливо видел тёмные круги под глазами Линь Фэнмина. Тот явно

плохо спал всё это время. Эта мысль отозвалась в сердце мужчины острой болью. Он молча сел на край кровати. Он ничего не делал — просто смотрел на Фэнмина, не отрываясь.

«Мы же развелись. Ты должен был начать жить той жизнью, о которой мечтал. Почему же ты всё равно не высыпaeшь? Снова работал всю ночь или опять мучился от бессонницы?»

Линь Фэнмин, конечно же, не спал. Он лежал неподвижно с закрытыми глазами. Как и Янь Юнь, он просто не хотел сталкиваться с ним лицом к лицу. Он каждой клеткой чувствовал, что бывший муж сидит рядом и безмолвно наблюдает за ним.

Это длилось долго. Так долго, что Фэнмин невольно крепче сжал край одеяла. Он не понимал, почему так нервничает, и тем более не хотел признаваться себе в том, что за этим напряжением скрывалось какое-то смутное ожидание.

Наконец Янь Юнь откинул край одеяла и медленно склонился над ним.

<http://bllate.org/book/15367/1372801>